

Осенью они собирались съездить к морю, чтобы наесться свежих морепродуктов, но планам не суждено было сбыться. Из дома позвонил Ли Сы и сообщил безрадостную новость: ушла из жизни старая госпожа Ли — бабушка Ли Кая, державшая всю семью в кулаке и отличавшаяся крутым нравом.

— Как же так? Вдруг? — удивился Ван Сюань. — Вроде бы ничто не предвещало, никто не говорил, что она болеет.

— Отец говорит, еще вчера она костерила всех на чем свет стоит, голосина был — дай бог каждому, — вздохнул Ли Кай. — Соседи головами качали, мол, с таким здоровьем старуха и до ста лет доскрипит. А сегодня утром зашли будить — уже холодная. Должно быть, тихо преставилась еще в полночь.

Смерть без болезней и мучений — легкая кончина. Старость просто взяла свое, тут уж ничего не поделаешь, да и уйти во сне — своего рода благословение. По крайней мере, дедушке Ли Кая перед смертью пришлось натерпеться куда больше.

— Ей ведь под восемьдесят было? — спросил Ван Сюань.

— Около того. Мой отец — четвертый ребенок в семье, а ему самому уже за пятьдесят перевалило.

Ван Сюань понимающе кивнул. В Китае подобную кончину почитали за благо и называли «радостными похоронами» — когда человек прожил долгую жизнь и ушел без мук.

Они быстро собрали чемоданы и полетели самолетом. Ждать поезда было некогда — иначе опоздали бы на погребение. Но даже при такой спешке, когда они добрались из провинциального центра до родной деревни Сикань, на дворе стояла глухая ночь.

Ли Сы выглядел потерянным и глубоко несчастным. При жизни старая госпожа обделяла его лаской, но родители есть родители. Пока они живы, старые обиды колют сердце, а стоит им уйти — в памяти удивительным образом сглаживается все дурное, оставляя лишь крохи редкого тепла. Ли Кай осторожно похлопал отца по плечу. Он не знал, как утешить этого простого, молчаливого мужчину. Сам он, если говорить начистоту, глубокой скорби не испытывал, но пред лицом смерти все бывшие разногласия казались ничтожными.

Новая жена отца, госпожа Яо, встретила их с заботливой суетой. Она быстро накрыла на стол, а в большом чугунном котле на плите уже грелся огромный чан с водой. Ночи дышали осенней прохладой, и горячее мытье мигом сняло с парней дорожную усталость.

Пока Ли Кай и Ван Сюань ужинали, Ли Сы негромко вводил их в курс дела: рассказывал, как пройдут похороны и что нужно будет делать завтра. Госпожа Яо в мужской разговор не вмешивалась. Она тихо прибиралась в углу, стараясь не мешать и не казаться навязчивой.

Когда парни закончили есть, она тут же подскочила прибрать посуду. Ли Кай с Ван Сюанем порывались помочь, но женщина замахала руками, забирая тарелки. От такой предупредительности им сделалось даже неловко.

— Спасибо вам за заботу, тетушка Яо, — искренне поблагодарил Ли Кай.

Женщина от неожиданности смутилась, затеребила край фартука и поспешно замахала руками:

— Ну что вы, что вы... Дело-то житейское, пустяки.

Вернувшись к себе в комнату, госпожа Яо никак не могла унять радостного волнения.

— До чего же славные у тебя сыновья, — тихонько прошептала она мужу, укладываясь рядом. — Статные, вежливые. Я таких обходительных и не видела никогда, чисто молодые господа из прежних богатых усадеб.

В прежней семье она только и делала, что прислуживала покойному мужу и его детям. И хоть бы слово доброе услышала! Все принималось как должное, да еще и вечно попрекали, что плохо старается. Теперь же, засыпая рядом с Ли Сы, она впервые чувствовала себя человеком. Раньше она изводила себя страхами:

«Вдруг сыновья мужа невзлюбят меня и укажут на дверь? Ли Сы ради них на все пойдет, спорить не станет...»

Но теперь на душе стало легко. Мальчики не просто приняли ее заботу, они сказали «спасибо». Настоящую материнскую любовь она им не заменит — их родная мать жива и здорова, но этого и не требовалось. Главное — взаимное уважение. Ради такой спокойной жизни она готова трудиться не покладая рук, лишь бы не прослыть нахлебницей. Не болтать лишнего, не совать нос куда не просят, делать все быстро и на совесть — как видно, она выбрала верную дорогу. Эти двое ученых парней выказали ей уважение, какого она за всю жизнь не видывала.

В своей комнате Ли Кай и Ван Сюань тоже перешептывались, устраиваясь на ночлег.

— Постельное белье чистое, пахнет солнцем, и пыли нигде нет. Твоя мачеха постаралась? — тихо спросил Ван Сюань.

— Ага. Отец перед нашим приездом спросил по телефону, можно ли ей прибраться у нас. Я подумал и разрешил.

Ценных вещей в доме не оставалось — все самое важное Ли Кай давно прятал в своем Сокровище.

Ван Сюань согласно угукнул. Без присмотра деревенский дом за несколько месяцев пропитывается сыростью и плесенью, его нужно проветривать, подметать, топить печь. Хорошо, что теперь здесь есть хозяйка.

— Ладно, давай спать. Завтра начнется суматоха.

Утро выдалось промозглым. Самый сладкий сон бесцеремонно прервал настойчивый стук в дверь.

— Гоудань, А-Сюань, вставайте! Пора! — позвал Ли Сы.

Пришлось разлеплять веки и вылезать из-под теплого одеяла. Умывшись подогретой водой, они наконец пришли в себя.

— Поешьте плотно, — наставлял отец, пока они жевали на ходу. — Сегодня присест будет некогда. По-хорошему, вам еще вчера следовало встать на караул у гроба, но я пожалел вас с дороги, дал выспаться. Так что сейчас идите первыми.

На дворе еще царил полумрак, в окнах горели лампочки. Осень полностью вступила в свои права, светало поздно.

Они вышли за калитку. Вокруг клубился плотный, сизый туман, скрывавший даже соседние дворы. Земля под ногами была раскисшей.

— Ночью дождь прошел? Все промокло.

— Старики говорят: когда уходит старый человек, небо всегда плачет, — негромко отозвался Ли Сы. — Это милость предков. Земля размякнет, легче будет могилу копать.

Ли Кай поглядел на серую мглу, прислушался к тишине и почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Он невольно поежился.

— Мерзнешь, брат Ли Кай? — спросил Ван Сюань.

— Да так... Сыро что-то.

— К зиме дело, утренники нынче холодные, — засуетился Ли Сы и кликнул жену, чтобы принесла из шкафа его теплые вещи. — Накиньте-ка. Одежда моя, чистая. Вы ведь теплого с собой не привезли, а старое тряпье в сундуках совсем залежалось, пахнет затхлостью.

Куртки отца — старые черные полупальто фасона «маоцзедуновка» — сидели на высоких,

ладных парнях мешковато и нелепо. Но в деревне на это никто не смотрел, главное — греет. Ткань, скорее всего, была из тех рулонов, что Ли Кай присылал отцу раньше, а шили куртки жены братьев Мингуана.

Когда они дошли до старого семейного гнезда Ли, ночевавшие там родственники как раз протирали заспанные глаза. Дежурство у гроба измотало всех, и за полночь люди просто попадали спать. Осуждать их за это никто бы не взялся — живым надо жить, чай, не древние времена, чтобы падать ниц перед покойником на трое суток.

Увидев вошедшего Ли Сы с сыновьями, родня оживилась.

— Гоудань! Когда приехать-то успели? Мы уж думали, не застанете старуху.

— Вчера поздно ночью добрались, отец позвонил — мы сразу на самолет, — ответил Ли Кай.

— Ну и ладно, главное — успели. Человек ведь не птица, крыльев нет, чтобы в один миг прилететь. Да и бабушка ваша ушла внезапно, никто не ожидал.

Пришло время обрядов. Отдали земной поклон, поплакали у гроба, а затем Ли Каю как старшему внуку от четвертого сына пришлось идти с общиной копать могилу. На такое дело собирались все деревенские мужчины. Работали под началом опытных стариков.

Кладбище раскинулось на холме. Сколько поколений здесь лежало — одному небу известно. Чьи-то могилы еще угадывались по оплывшим холмикам, а иные давно сравнялись с землей. Без подсказки старожиллов легко было совершить непростительный грех — потревожить чужой покой и навлечь вражду на весь род.

Ли Каю среди этих вековых сосен и заброшенных могил становилось не по себе. Даже бледное осеннее солнце не разгоняло липкий могильный холод. Хорошо хоть, народу вокруг было много, их громкие голоса возвращали к реальности.

Ван Сюань прекрасно знал эту слабость своего названного брата. Ли Кай мог быть храбрым, дерзким, но перед мистикой пасовал с самого детства. Сам Ван Сюань, будучи врачом и убежденным материалистом, покойников не боялся. Конечно, воспоминания о «Безымянном настоящем» порой заставляли его задуматься о скрытых силах мира, но в повседневности он полагался на разум.

К вечеру первого дня основные хлопоты закончились. Похороны назначили на утро третьего дня, так что вторую ночь парням предстояло провести в старой усадьбе.

Освещение в доме было тусклым — старые лампочки едва тлели. Ли Кай не выдержал, раздобыл длинный провод, патрон и вывел яркую лампу во двор. Теперь у порога стало светло, можно было спокойно дойти до уборной или набрать воды, не опасаясь оступиться впотьмах.

Яркий свет разогнал липкие ночные страхи. Спать никто не ложился. Ли Кай послал паренька в лавку за картами, и вскоре вся молодежь клана Ли собралась в кружок. Стук костей и шелест колоды помогали коротать долгие часы бдения. Родственников у старой госпожи Ли хватало — внуки, правнуки, ближняя и дальняя родня заполнили весь дом.

Ночь прошла шумно, но к утру Ли Кай с Ван Сюанем едва держались на ногах. Мышцы ломило от дневных трудов, безумно хотелось смыть с себя погребальную пыль и провалиться в сон на нормальной постели.

После того как гроб опустили в землю и завершили поминальный обед, парни решили не спешить обратно в столицу. Они остались в деревне еще на несколько дней, чтобы встретить с отцом праздник Середины осени. Ли Сы заметно повеселел. Он уже и забыл, когда в последний раз сидел за праздничным столом вместе с сыном. Шумного пира устраивать не стали из-за траура, но само присутствие близких согревало его старое сердце.

Постепенно в дом Ли Сы начали подтягиваться старые друзья Ли Кая, и во дворе зазвучал молодой, задорный смех.

Дачжуан предложил Ли Каю заглянуть на их производство. Как-никак, Ли Кай — главный хозяин, негоже подолгу не показываться рабочим. Тот согласился.

Нынешняя фабрика мало напоминала прежнюю кустарную артель. На смену деревенскому самоуправлению пришли грамотные специалисты, умеющие вести дела по-новому. Дачжуан и другие старые товарищи добровольно уступили руководящие посты профессионалам, трезво оценив свои скромные познания. Никто не таил обиды — все понимали, что без грамотного управления предприятие быстро пойдет ко дну в новые времена. А если рухнет фабрика, то и они сами останутся у разбитого корыта, да еще и подведут друга, доверившего им дело. Пока фабрика процветает — их рабочие места и стабильный доход в безопасности.

Тем не менее, Ли Кай за рюмкой чая с глазу на глаз подтвердил старым друзьям свое доверие:

— Парни, вы — мои глаза и уши здесь. Менеджеры — люди пришлые, у них своя выгода. Если заметите, что кто-то ведет нечестную игру или вредит фабрике, сразу сообщайте мне.

Этот нехитрый прием позволил Ли Каю сохранить равновесие сил: профессионалы занимались делом, а верные соратники приглядывали за порядком, оберегая общее сокровище от чужих липких рук.